

Эпистолярный диалог Валерия Брюсова и Нины Петровской как гендерный эго-документ

Е. В. Педченко

Мариупольский государственный университет, Мариуполь, Украина
Corresponding author. E-mail: o.pedchenko@mdu.in.ua

Paper received 05.09.18; Accepted for publication 10.09.18.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2018-177VI52-12>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эпистолярной книги Валерия Брюсова и Нины Петровской «Переписка» как двойного эго-документа с гендерной репрезентацией. Автором прослеживается развитие отношений «кинетических персонажей» данного «текста жизни», в котором представлена интимная сторона романной истории Брюсова и Петровской. Вводится метафорическое понятие «гендерное зеркало», основанное на высказывании Вирджинии Вулф о взаимоотражении полов. Определяется как это понятие реализуется Брюсовым и Петровской в переписке.

Ключевые слова: гендер, символизм, жизнетворчество, эго-документ, гендерное зеркало.

Введение. Пара В. Брюсов и Н. Петровская органически вписалась в литературное поле Серебряного века. Они стали ярким примером жизнетворчества в период их бурно развивающегося романа. Понятие «жизнетворчество» появляется в русском символистском дискурсе в конце 1900-х гг. (А. Белый, З. Гиппиус, Вяч. Иванов и др.). Понимание творческой личности, как творящей жизнь, было уже разработано в конце XVIII века Йенской школой (Шлейермахер, Шлегель). В русском «Арзамасе» эта идея представлена тезисом «Жизнь и поэзия – одно» (Жуковский). По этому поводу Ш. Шахмад пишет: «Формирование жизни как искусства представляет собой автопоэтическую стратегию, которая проявляется в различных формах зависимости от эпохи и эстетической программы художника» [14, с.10]. Писатели-символисты считали деятельность творца не только работой вдохновения, а таинством, неким волшебством. Брюсов призывал поэтов приносить свои «священные жертвы» постоянно, «каждым часом своей жизни, каждым чувством, – своей любовью, своей ненавистью, достижениями и падениями» [3, с.99], а Белый считал, что «Умение жить есть непрерывное творчество: это мгновение, растянувшееся в вечность...» [1, с.241].

Краткий обзор публикаций по теме. Подробное разъяснение внутренней структуры жизненно-творческого метода символистов дает З. Минц в книге «Поэтика символизма». Она считает, что его основой является представление о мире, как иерархии текстов, где «Универсальный Текст реализуется в “текстах жизни” и в “текстах искусства”» [9, с.97]. В рассмотрении «текстов жизни» большое значение приобретают дневники и письма, которые выступают первичными источниками биографической стороны жизнетворчества, о чем писали Л. Гинзбург, Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, А. Никуликин и др. По мнению Д. Иоффе, особое значение имеет разработка темы «человеческого документа» Лидии Гинзбург, которая «сегодня полномасштабно исследуется во всем мире, в научных лабораториях так называемых «эго-документов», изучение которых происходит в контексте бурно развивающейся интердисциплинарной нарратологии культуры» [8, с.135]. В этот комплекс входят и гендерные исследования, обращенные к творящему текст субъекту, в частности, исследованию творчества Брюсова и Пет-

ровской посвящены работы П. Гроссман, М. Михайловой, К. Эконен и др. Эпистолярный диалог пары рассматривали Н. Богомолов, Т. Ерохина, А. Лавров. Как заметила К. Эконен: «Формирование истории (нарратива) русского символизма с учетом гендерных аспектов требует отдельного исследования» [15, с. 108], что и определяет цель нашего исследования – рассмотреть эпистолярный диалог Брюсова и Петровской в гендерном аспекте.

Материалы и методы. Двойным эго-документом Брюсова и Петровской стала книга их переписки. Как заметил Ю. Тынянов: «письмо, оставаясь частным, нелитературным, было в то же время и именно поэтому фактом огромного значения. Этот литературный факт выделил канонизированный жанр „литературной переписки“, но и в своей чистой форме он оставался литературным фактом» [13, с. 266]. А. Лавров и Н. Богомолов выступили исполнителями завещания Брюсова, который позаботился, чтобы один из главных документов жизни, яркий пример реализации его творческого метода, был опубликован. Выполнить все условия завещания, указанные Брюсовым в письме к С. Соколову, было невозможно по целому ряду причин, на которые указывает А. Лавров [4, с. 6-7]. Петровская не хотела этой публичности и даже уничтожила часть писем, но, благодаря заботам Брюсова, один «из исключительно ярких и эмоционально насыщенных памятников русской эпистолярной культуры символистской эпохи» увидел свет [4, с. 7]. По мнению А. Лаврова, возможно это лучшее, что вышло из-под пера Петровской, однако данное суждение спорно, однако данное суждение спорно, учитывая оценки ее прозы рецензентов несимволистского круга, а также работы современных исследователей [10; 16].

Для дальнейшего рассмотрения книги писем Брюсова и Петровской следует сделать некоторые уточнения по употреблению понятий, обозначающих героя в жизнетворческом тексте. Д. Иоффе предлагает использовать «концепцию трансгрессивного “кинетического персонажа”, живого и действующего по “обе стороны текста” литературного актанта, который не уместается в рамках (лишь) вербального текста, живет в своей “жизни” по законам “текста”, наполняя чисто эстетическим, литературным жесто-смыслом свое частное свободное бытие» [8, с. 151]. Эта концепция

более точно выражает особенность персонажа «текста жизни» и «текста искусства», чем традиционные понятия «литературный характер», «литературная личность», «художественный персонаж».

Также разъяснения требует метафорическое понятие «гендерное зеркало», под которым мы понимаем взаимоотражение полов, следуя знаменитому высказыванию Вирджинии Вулф, что женщина веками «служила мужчине зеркалом, способным вдвое увеличивать его фигуру» [5, с. 480]. В зависимости мужчины от желания в лучшем свете отражаться в этом зеркале, она видит причину его потребности в женщине, ее многостороннее изображение в мужской литературе. Тему зеркала в гендерных исследованиях традиционно рассматривают с точки зрения теории Ж. Лакана, как репрезентацию собственного гендера, например, книги Ирины Савиной «Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века» [12], Дианы Мейерс «Гендер в зеркале: культурный имидж и деятельность женщин» [17] и статья Т. Гундоровой «Жінка і Дзеркало» [6]. В последней автор также обращается к наблюдению Вулф и рассматривает с этой позиции женские образы в текстах Гоголя, Фрейда и Нечуй-Левицкого. Таким образом, понятие «лакановское зеркало» определяет восприятие себя как другого, а «гендерное зеркало» систему женско-мужского отражения, что прослеживается в отношениях творческих пар таких как Брюсов и Петровская.

Результаты и их обсуждение. Жизнь кинетических персонажей «Переписки» началась в 1904 году, а встреча произошла на год раньше. Они были представителями двух издательств с похожими программами. «Весы» Брюсова и «Гриф» Сергея Соколова, мужа Петровской, что закрепило за ней прозвище «Мадам Гриф», ориентировались на новую литературу и были центрами литературной жизни Москвы. На момент встречи Петровская была увлечена А. Белым и входила в круг «Аргонатов». По свидетельству современников, вначале отношения с Брюсовым были напряженными, на это повлияла конкуренция издательств и ее связь с Бальмонтом, а затем с Белым. Для Петровской еще до появления в символистском литературном обществе Брюсов был «первым из тех недоступных, державших в руках ключи подлинной жизни и подлинной литературы той русской эпохи», томивший ее мечту, а его первые стихотворные сборники стали символом ее новой веры. [11, с. 409]. Однако для Брюсова первое время она была лишь «Грифихой», этим прозвищем он пользуется в письмах к П. Перцову, М. Волошину и др. [4, с.35].

Неизвестная еще год назад дама становится музой нескольких поэтов, кроме Бальмонта и Белова, она вдохновляла А. Рославлева, Н. Пояркова и других. Конечно, это не могло не привлечь внимание Брюсова, который к тому же с юных лет примерял на себя образ великого соблазителя, о чем свидетельствует его набросок к автобиографии под названием «Мой Дон-Жуанский список» [2, с.222-223], где имя Нины Петровской стоит в разделе «А. Серьезное» с датировкой 1904-1910 гг. Причем следующая запись: «1908-9. Вера (Комиссаржевская)» свидетельствует,

что в эти годы отношения с Петровской были не единственными серьезными. По указанной им дате все закончилось в 1910 году, но переписка продолжилась до 1913 года, только его письма за этот период в книгу не попали.

Отсутствие писем Брюсова можно объяснить отъездом Петровской в Европу (1911), однако некоторые предшествующие письма печатались по копиям или черновикам Брюсова, но письма последних лет отсутствуют, возможно, он не хотел их делать публичными, ведь для него отношения уже закончились. Можно также предположить, что женский монолог в финале книги является зеркальным отражением мужского монолога начала книги, но значительно увеличенным. Переданная С. Соколову переписка не могла быть просто хронологически выстроенными письмами, учитывая, что «Как все символисты, Брюсов заботился о цельности материала, объединенного в книге» [4, 104].

Начинается «Переписка» почти деловым письмом от 15 октября 1904 года о невозможности дозвониться Петровской домой, из-за чего Брюсову пришлось «европейский телефон заменить азиатским посыльным» для выражения благодарности за «декадентки» и сообщения уже известного, «что “Иванов” отложен», подписанное по-дружески: «“Ваш” Валерий Брюсов» [4, с. 61]. Объяснение такому нетерпению дает P.S., в котором Брюсов настоятельно просит сообщить о поездке в Петрово-Разумовское. Хотя письмо совершенно нейтрально, но «поездок роковой» (Тютчев) начался. Следующее письмо через два месяца подписано «Твой Валерий», что подчеркивает смену статуса. Она перестает быть его «врагом», «сестрой» и «сораспятой». Все изменилось, он не видит в ее «глазах никакой муки», а себя представляет героем «ненаписанного романа» [4, 62]. Третье письмо Брюсова, представленное в двух редакциях, написано через полгода. Можно проследить интересные расхождения между черновым вариантом (3а) и отправленным письмом (3б, и далее в тексте указание на номер письма будет приводиться в круглых скобках).

В первом тексте Брюсов более откровенен и эгоцентричен. В обеих редакциях он поглощён воспоминаниями о признании в любви Петровской, о счастливых днях, проведенных вместе в Финляндии: «эти дни, в которые мне не стыдно было говорить: (3а) «Я – счастлив». Для меня то был месяц чуда, я дышал воздухом чудес, все чудесное стало для меня привычным и повседневным. <...> в самый миг свершения я сознавал его значение, его смысл, его величие (лично для меня), и потому вдвойне, в сто раз устремленнее, торопливее, более жадно впивал ту полноту чувств, которую даровали мне Судьба и Ты» [4, с.65-66]. Однако замечательная поездка стала для Брюсова началом конца, о чем он откровенно говорит в черновике письма: (3а) «Мое счастье – в прошлом, в воспоминаниях. Когда я остался стоять среди улицы, неловкий, смешной, с тяжелым саквояжем в руках, а Ты быстро исчезала за поворотом, – то было именно мое счастье и моя просветленность, с которыми должно мне было прощаться. Да! эти тридцать дней в Финляндии были вершиной моей жизни, крайним горным

пиком, с которого я, как некогда Пизарро, видел оба океана: моей прошлой и моей будущей жизни. Ты вознесла меня к моему зениту. После этого мига может наступить только спуск вниз, и, чувствую, я уже начал его» [4, с.66]. В отправленном письме Брюсов смягчает признание, что отношения вступили в завершающую фазу, он объясняет причину замедления в развитии их романа: (36) «Мне непобедимо надо хоть бегло <?>, хоть в отрывках повторить все пережитое, провести перед глазами огненные лики мелькнувших часов, казавшихся медленными, но слившихся теперь в одну мгновенную вспышку молнии... Эти часы – отныне мой храм. Прости, что я не могу еще ничего иного, как медлить в нем, молиться у тех же икон, вглядываться во тьму, пока еще теплятся зажженные Тобою свечи», – а далее предсказывает вмешательство потусторонних сил: «Они погаснут [свечи]. Тени уже смеются в окна. Они протянутся сквозь решетки, вползут в двери. Кривляясь и хохоча, они обступят меня. Сомкнут пальцы над моей головой. И я упаду в их черный хоровод, во мрак, в ту ночь, которой не было для меня при бледном сиянии северного полунощного солнца. Прощай» [4, с.70]. Письмо подписано тоже весьма многозначительно, одинаково в обоих вариантах, но малообещающе: «Твой – да! еще совсем, совсем Твой Валерий» [4, с.70].

Следовательно, для Брюсова эти отношения уже сознательно закончены, он не предполагал их развития, поэтому был щедр на выражение благодарности своей «девочке, милой, хорошей, маленькой», так он обращается к ней в начале письма. Брюсов одевает на нее ореол святости, придает ее образу мистическое значение: «Ты дала мне ключ ко всей моей жизни, счастьем пережитых дней объяснила все мучительства прошлого...» [4, 70]. Под последними имеется в виду период ухаживания, с игрой в оккультизм и «поединком» с Белым. Все то, что станет основной коллизией его романа «Огненный ангел». Это объясняет и нарочитое упование на святость подруги. Однако Петровская не сразу стала носителем образа «Ренаты», как об этом пишут современники, в письмах мы находим мечущуюся, любящую и страдающую женщину.

С первого письма Петровская призывает: «Милый ласковый зверь... Милый, хороший зверочек, не дичай без меня, вернись прежним. Ничто не умирает... Верь в чудо, верь!» [4, 71]. Она сразу поняла свою роль в этом романе, поэтому подписывает первые письма «Китайская фарфоровая девочка» (4, 5, 15). Затем вместо нее появляются уверение в принадлежности и любви «Твоя Нина» (16, 27, 37), «Твоя» (32), «Твоя навсегда» (42), или призывы и вопросы: «Верить?» (18), «Хочу тебя видеть!» (22), «Приезжай, приезжай!» (28)», «Я плачу» (39) и т.п.

Брюсов тоже подписывает свои письма с местоимением «твой» и даже уверяет, что навсегда, но он мыслит уже категориями метафизического мира его творческой реальности. Для него теперь главным становится «Роман о ведьме», а не сама ведьма. Почти в каждом письме Брюсов заводит речь о нем, рассказывает, как захватила его эта мысль, что он изучает испанский для чтения книг, присланных Бальмонтом

из Мексики, о жизни конквистадоров, просит Петровскую вспоминать прошлое, чтобы помочь ему в написании. Но в то же время уверяет ее: «Чтобы написать Твой роман, довольно помнить Тебя, довольно верить Тебе, любить Тебя» [4, 80]. В его творческом сознании ее образ совершает переход из реальности в художественный мир будущего романа. Брюсов пишет ей: «С каждым днем все более и более Ты становишься для меня символом, а не живой...» [4, 77]. Возможно, поэтому Петровская стала подписывать письма своим настоящим именем, словно сопотитываясь этому переходу и еще надеясь на земное счастье.

Апофеозом «поединка рокового», который провел его участники через измены, ссоры и примирения, стал итоговый эпистолярный монолог Петровской протяженностью в три года. В этих письмах мы видим борьбу за земную любовь и «женское счастье», за желание быть единственной. Она еще на что-то надеется, что-то пытается объяснить, ищет виноватых. Главной своей соперницей, причиной разлуки и ее страданий Петровская считает жену Брюсова. Сначала она хотела вырвать его из семейного уюта «на Мещанской», открыть ему глаза на потребительскую природу любви его жены, потом упрекала его в стремлении к комфорту, ради которого он отказался от «нездешнего чувства». Она приходит к пониманию главной причины разрыва, подозревая, что «не “влюбленность в нее” после четырнадцати лет так изменила твои чувства ко мне. Это неправда! Это невозможно!.. Тогда что же? И я поняла, что... Да, вечно огорченная, убитая, всегда уже теперь в дурмане морфия, и живя так день за днем, я не заметила, как стала такой, каких, верно, не любят... Я похудела, побледнела, я больна, у меня нет тела, у меня не блещет, как прежде, глаза и выцвели от горя губы. Мушкетер может простить все, – самый низкий обман, пошлость, грубость души, десять любовников, но не простит глаз, опухших от слез, и горьких складок у рта... Разве есть в любви справедливость!» [4, с.640].

Таким образом, перед нами предстает, с одной стороны, типичная история влюбления (Донжуанства), а с другой стороны, пример двойного эго-документа жизнетворческой концепции символизма.

Выводы. Романная история Валерия Брюсова и Нины Петровской является признанным примером жизнетворчества, в основе которого лежит мысль о мире как о иерархии текстов, где особую роль играют эго-документы. Общим «текстом жизни» Брюсова и Петровской стала книга «Переписка», где они выступают кинетическими персонажами, которые предлагают свою гендерно-ориентированную интерпретацию событий, дают оценки происходящему и говорят о своих чувствах. Книга представляет женско-мужской эпистолярный диалог в реальном времени, протяженностью почти десять лет. Она имеет, кроме традиционной погодной структуры, внутреннюю оригинальную композицию, выстроенную Брюсовым, и реализующую его концепцию хронотопа истории любви. В связи с этим роль Петровской как соавтора «Переписки» ограничена и объективизирована. Начало и финал «Переписки» представляют вариант взаимного отражения или «гендерного зеркала», где трем мужским письмам, которые символизируют маску-

линное победоносное начало в духе «Veni, vidi, vici», соответствуют посылаемые в течение последних трех лет феминные, истеричные излияния любви, обиды, боли, грусти. Это зеркало вполне соответствует гендерным стереотипам и может служить прекрасным

материалом для более подробного исследования, выходящего за рамки литературоведения, которое затронет не только текст писем кинетических персонажей, но и лиц их комментирующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
2. Брюсов В. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. – М.: ТЕРРА, 1994. – 269 с
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7-ми томах. – М.: Художественная литература, 1974. Т.6.
4. Брюсов В., Петровская Н. Переписка: 1904-1913. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 776 с.
5. Вулф В. Обыкновенный читатель. – М.: Наука, 2012. – 776 с.
6. Гундорова Т. Жінка і Дзеркало // Часопис «Ї»: Гендерні студії. – 2000. – № 17. URL:<http://www.ji.lviv.ua/n17texts/hundorova.htm> (дата обращения: 09.08.2018).
7. Ильев С. П. Концепция и композиция книги «Ночи и дни» В. Брюсова. // Вопросы русской литературы. – 1990. – Вып. 1. – С. 102-110.
8. Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма *sub specie semioticae*. Историкографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь. // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 126-179.
9. Минц З. Г. Поэтика русского символизма. – СПб: Искусство-СПБ. 2004. – 478с.
10. Михайлова М. В., Шевчук Ю. В. Нина Петровская – прозаик и критик. // Русская литература и журналистика в
- движении времени. Ежегодник 2015 / под ред. проф. Е. И. Орловой. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 135-148.
11. Петровская Н. Разбитое зеркало. Проза. Мемуары. Критика. – М.: Б.С.Г. Пресс, 2014. – 960 с.
12. Савкина И.Л. «Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века». – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 440 с. URL: <http://profilib.com/chtenie/123192/kirsti-ekonen-tvoretstsubekt-zhenschina-strategii-zhenskogo-pisma-v-russkom-simvolizme.php> (дата обращения: 09.08.2018).
13. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
14. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
15. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме [Электронный ресурс]. – М.: НЛЮ, 2011. – 400 с.
16. Grossman D. Valery Briusov and Nina Petrovskaia: Clashing Models of Life in Art. Creating Life. 1994, pp.122–150
17. Meyers Diana T. Gender in the Mirror: Cultural Imagery and Women's Agency. Oxford University Press, 2002. 231 p.

REFERENCES

1. Belyu A. Symbolism as a World View. Moscow: Respublika, 1994. 528 p. (In Rus.).
2. Bryusov V. From my life: Autobiographical and memoir prose. Moscow: TERRA, 1994. 269 p. (In Rus.).
3. Bryusov V. Ya. Collected works in 7 volumes. Moscow: Hudogestvennaya literatura, 1974. V.6. (In Rus.).
4. Bryusov V., Petrovskaya N. Correspondence: 1904-1913. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 776 p. (In Rus.).
5. Woolf, V. The Common Reader. Moscow: Nauka, 2012. 776 p. (In Rus.).
6. Gundorova T. Woman and Mirror // Journal «Ї»: Gender Studies. 2000. Is17. URL:<http://www.ji.lviv.ua/n17texts/hundorova.htm> (last access: 09.08.2018). (In Ukr.).
7. Il'ev S.P. The concept and composition of the book "Nights and Days" V. Bryusov. // Voprosy russkoy literatury. 1990. Is. 1. P. 102-110. (In Rus.).
8. Ioffe D. The life-creation of Russian modernism *sub specie semioticae*. Historiographical notes on the issue of typological reconstruction of the system of life.// Kritika i semiotika. 2005. Is. 8. P. 126-179. (In Rus.).
9. Mints Z. G. The Poetics of Russian Symbolism. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. 2004. 478 p. (In Rus.).
10. Михайлова М. В., Шевчук Ю. В. Нина Петровская, novelist and critic. // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. Yezhegodnik 2015 / edition of prof. E.I. Orlova. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2016. P. 135-148.
11. Petrovskaya N. The Broken Mirror. Prose. Memoirs. Criticism. Moscow: B.S.G. Press, 2014. 960 p.
12. Savkina I.L. Conversations with the Mirror and the Looking Glass: Autodocumentary Female Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 440 p.(In Rus.).
13. Tynyanov Yu. N. Poetics. History of literature. Cinema. Moscow: Nauka, 1977. 574 p. (In Rus.).
14. Shahadat Sh. Art of Living: Life as a matter of aesthetic relation in Russian culture of the 16th-20th centuries. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 440 p. (In Rus.).
15. Ekonen K. Creator, subject, woman: strategies of female writing in Russian symbolism [Electronic resource]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. – 117 p. (In Rus.). URL: <http://profilib.com/chtenie/123192/kirsti-ekonen-tvoretstsubekt-zhenschina-strategii-zhenskogo-pisma-v-russkom-simvolizme.php> (last access: 09.08.2018). (In Rus.).

Epistolary dialogue between Valery Bryusov and Nina Petrovskaya as a gender ego-document

E. V. Pedchenko

Abstract. The article is devoted to the review of the epistolary book of Valery Bryusov and Nina Petrovskaya "Correspondence" as a double ego-document with a gender representation. The author traces the development of the relations between the "kinetic characters" of this "text of life", in which the intimate side of the novel story of Bryusov and Petrovskaya is represented. The metaphorical concept of "gender mirror" is introduced, based on the statement of Virginia Woolf on the relationship of the sexes. It is defined as this concept realized by Bryusov and Petrovskaya in correspondence.

Keywords: gender, symbolism, life-creation, ego-document, gender mirror.